

Оглавление

1984. 12 лет.	Детство Васи	24
1991. 19 лет.	Студент	40
1994. 22 года.	«Футбольный клуб»	45
1997. 25 лет.	«Кошице»	73
1998. 26 лет.	Париж	88
1999. 27 лет.	Отстранение	106
1990-е.	Лытдыбр	114
2001. 29 лет.	Заточка.	126
2002. 30 лет.	Любовь.	157
2003. 31 год.	«Школа злословия»	168
2003. 31 год.	«МЮ» — «Реал»	188
2005. 33 года.	Роман	203
2007. 6 марта. 35 лет.	День рождения	219
2007. 35 лет.	«День выборов»	247
2008. 6 марта. 36 лет.	День рождения	261
2008. 36 лет.	«Что? Где? Когда?»	273
2008. 36 лет.	Евро	280
2009. 6 марта. 37 лет.	День рождения	291
	Разговоры о профессии	296
2010. 38 лет.	Главный редактор	369
2011. 6 марта. 39 лет.	День рождения	389
2011. 39 лет.	«Три репортера»	401
2015. 43 года.	Жиробас.	413

	Оффтоп. Про еду	432
2016. 6 марта. 44 года.	День рождения	443
2016. 44 года.	Школа журналистики	466
2017. 45 лет.	«Эгриси».	486
2018. 6 марта. 46 лет.	День рождения	500
2018.	Чемпионат мира	503
2000-е.	Лытдыбр	533
2020. 48 лет.	День радио.	550
2022. 6 марта. 50 лет.	День рождения	563
2024. 6 марта. 52 года.	День рождения	582
	Мастер некрологов	603
2024. Март. 52 года.	Последняя переписка	633

Вы думали, мы тут в футбол
играем? А мы тут жизнь
живём.

Василий Уткин

Вместо предисловия

За книгу Вася брался много раз.

В среду, 25 июля 2007 года, Москву заливало дождем. Вася проснулся сознательно рано, раньше обычного, для чего и лечь пришлось рано, а не как обычно или, как тоже бывало, под утро, увлекшись новыми фильмами. «Зато я восход видел. Красиво», — не оправдывался, а сообщал Вася, проспав на работу или к назначенной встрече.

С шестнадцатого этажа, из окон его квартиры, теперь холостяцкой, а всего-то год назад казавшейся прочной, налаженной, семейной, открывался долгий, как проводы, вид на мокрый город. К обеду, тоже раннему, Уткин выложил небольшую заметку в свой блог:

В необычных обстоятельствах раннего утра, прохладного асфальта и прозрачного воздуха я принял два важных решения. Про одно я сейчас не скажу, но оно требует изменения всей моей жизни. Я думаю, пора. А другое заключается в том, что с сегодняшнего дня я начинаю работу над книгой. Думаю, это отличный способ поддержать другие перемены в образе жизни уже в ближайшее время.

Кроме того, мне осточертело отвечать на вопрос, почему я НЕ пишу книгу. Это будет книга о моей жизни, моих друзьях, всяких встречах и бывальщинах. Я буду писать ее по собственному почину, ни с каким издательством у меня в данный момент договора нет. Рукопись будет готова к Новому году. Кое-что я буду выкладывать на блог — фрагментарно. А может быть, и не буду. Как пойдет.

Вечером он смотрел с дивана футбол, играли казанский «Рубин» с «Локомотивом» Бышовца, диван у Васи был большой, удобный, а вокруг — на столике, на полках, на полу — всегда лежали стопки новых книг и дисков с фильмами и музыкой, и почти всё это он успевал прочитать, посмотреть и послушать. Что там было у тебя, Вася, в 2007-м, напомним? Третьи «Пираты Карибского моря» («Виртуозное

кино, по-моему. Виртуозное жанровое кино»). Сериал «Ликвидация» («Очень понравилось»). «Груз-200» Балабанова («В Агнию Кузнецову я бы влюбился, если б не знал (человек-то я уже не юный), что в актрис и телеведущих влюбляться нельзя», — со знанием дела писал он).

Где-то шуршали два трусоватых, не по их дерзким именам, кота — экзот Родион (как Раскольников) и мейн-кун Маховлич (по фамилии двух братьев, знаменитых канадских хоккеистов). По ходу первого тайма Вася быстро написал в блог: «Я с самого детства обожаю кино про трех мушкетёров, и сколько помню этот фильм, всегда в песне “Пора-пора-порадуемся” мне казалось, что строчка “но что такое рыцарь без любви, и что такое рыцарь без удачи?” — это чисто риторическая формулировка. Действительно, ну, что это такое?»

Писал он вообще очень много, быстро, и длинно, и коротко, но каждый день: в газеты, журналы, на сайты, в соцсети, в свой блог, отвечал на вопросы читателей в личной конференции, а еще ехидничал или ругался на форумах и в гостевых книгах, мог писать на компьютере, а мог и без, прямо с кнопочных телефонов (эпоха смартфонов только начиналась). Однажды, опаздывая к дедлайну или забыв про него (был в дороге, опять куда-то ехал), он слал нам в журнал колонку эсэмэсками, по два-три предложения. Редактор Макс нервничал, перепечатывая текст из своего поминутно вздрагивающего телефона, а мы веселились: ну это же Вася.

За последнюю неделю июля и начало августа 2007-го Вася написал большой цикл статей «Мои любимые комментаторы» (весь этот цикл вошел в книгу, которую вы начали сейчас читать), а еще пересматривал свои старые газетные публикации и, если нравилось по-прежнему, тоже выкладывал в блог. Готовил книгу.

А к сентябрю дело застопорилось.

«В новом графике работы, с двумя еженедельными передачами, что-то никак себя не найду», — жаловался он. Васе было 35. Он был раздерган и востребован. Он вел «Футбольный клуб» на «НТВ-Плюс», комментировал футбол, снимался в новом телешоу «Стенка на стенку» для Первого канала, писал еженедельную колонку в «Советский спорт», писал в свой блог на Sports.ru*, писал по оперативным спортивным по-

* Сейчас Спортс”.

водам и просто так, писал оффтопы и «вамосы» — прогнозы на новый тур любимого им испанского чемпионата, играл в спектакле «День выборов», раздавал интервью (в октябре «День выборов» вышел на большом экране), играл за команду Алексея Блинова в «Что? Где? Когда?», по понедельникам вел «Футбольный клуб» на «Эхе Москвы», судил КВН, судился с футбольным ЦСКА (президент клуба Гинер не простил Уткину заметки, подозрения о «договорном характере» матча, сыгранного его командой), а еще Вася, как всегда, как обычно, часто и охотно засиживался с друзьями за обильными столами, поздно возвращаясь домой, в свою трехкомнатную квартиру, где его ждали два кота.

Что такое слава? Это когда о смерти твоего кота Родиона сообщают все сайты — и новостные, и про спорт, и про шоу-бизнес. Но Родион умрет позже, прожив у Васи десять лет, а в том бурном октябре 2007-го Васе будут угрожать футбольные фанаты: «Ну что, пидрила! Жидовская шлюшка! Отверточку захотел!» Звонки с неопределяющихся номеров: «Мы знаем, где ты живешь», «Готовься к самому худшему».

Это были не досужие интернет-угрозы. Вася сменил номер телефона. Серьезные люди выделили ему охрану. Вася тогда не стал писать об этом, а сейчас, спустя годы, может и рассказал бы в своей книге: чтобы предотвратить худшее, серьезные люди встретились с лидерами фанатских группировок и объяснили им авторитетно, что и как будет, если хоть один волос упадет с Васиной головы.

К лету 2008-го популярное (а сейчас уже не существующее) издательство из Санкт-Петербурга собрало футбольные, оперативные тексты Уткина в двухтомник. «Это был неудачный проект. Когда я писал колонки, они воспринимались хорошо, а в формате книги не срослось», — вспоминал он потом. 1 августа, уезжая на Олимпиаду в Пекин, Вася пообещал читателям: «Третья книга предполагается оригинальной. То есть она будет специально написана, чтобы выйти сразу именно книгой. Я это буду делать после того, как закончится футбольный сезон. Она будет про жизнь. Надеюсь, я соберусь-таки ее написать и из этого выйдет толк».

Я его тоже уговаривал собраться и написать книгу.

Я очень хотел прочитать книгу Уткина. Мы все ждали книгу от Васи.

Закончился футбольный сезон-2008, казанский «Рубин» впервые стал чемпионом, прошла зима, «Рубин» второй раз выиграл «золото»,

Вася закрывал, разочаровываясь, и снова открывал «Футбольный клуб», меняя его формат, стал главным редактором спортивных телеканалов «НТВ-Плюс» (он очень хотел побыть главным редактором), придумал новую гонзо-программу «Три репортера», рифмующуюся с любимой книгой, придумал новую журналистскую премию, назвав ее «Золотой кот» (но скоро остыл к этой идее), вел программы на СТС, записался для популярного футбольного симулятора EA Sports FIFA, ложился то очень рано (по утрам он вел «Утренний разворот» на радио и страшно гордился этим), то очень поздно, прокомментировав очередной футбольный матч, провел митинг протеста на проспекте Сахарова, считая это своим гражданским долгом, и снова, и снова обещал себе и читателям перемены в образе жизни. Ему исполнилось 40. Умер кот Родион, прошла еще одна зима, Вася не поехал на Игры в Сочи, которые так ждал и так радовался, что у нас в стране будет Олимпиада, праздник — как в детстве, когда папа купил билеты на легкую атлетику и они всей дружной, любящей семьей поехали из Балашихи в «Лужники».

Вместо Сочи Вася улетел в Германию на операцию. Близкие друзья — Дима, Герман и еще один обычно неназываемый друг — внесли большую сумму, чтобы Вася начал новую жизнь.

А спустя полгода, летом 2014-го, у Васи умер отец. На поминках в небольшом балашихинском кафе собрались родственники и друзья юности Вячеслава Николаевича Уткина, те самые «шестидесятники», как из книг и фильмов, бородатые физики и лирики, романтики и первопроходцы. Я смотрел на них и думал, до чего же красивые, добрые, умные лица, и вдруг понял, что ничего не знаю о Васином детстве, он почему-то редко о нем рассказывал и почти ничего не написал. Теперь, для этой книги, про семью, про детство рассказала Васина старшая сестра Анна. Впервые.

В 2016-м голосом Васи заговорили все навигаторы Яндексa: «Маршрут построен. Поехали!» Его же личный, внутренний навигатор тогда, казалось, засбоил. После публичного конфликта с Тиной Канделаки он впервые остался без телевидения. В этой перепалке Вася выигрывал в язвительности, а новый руководитель нового спортканала победил в мстительности. Давая интервью Денису Романцову, Вася говорил: «У меня закончился большой период жизни, наверно, имеет

смысл написать книгу. Или хотя бы подумать об этом». И показывал Денису свой телефон, где во входящих висели пять неотвеченных звонков из крупного издательства. За день.

В зимний спортивный сезон-2016/17 он сделал еще одну попытку. Наверное, это был февраль, канун его 45-летия, когда Вася позвал меня в ресторан пообедать, по делу. Мы и так виделись тогда каждую неделю, занимаясь со студентами в нашей общей школе журналистики, а по телефону разговаривали или переписывались каждый день, но сейчас по голосу Васи было понятно, что он хочет сообщить что-то особенно важное. На столе возникли закуски, нам принесли графинчик — для графа де ля Фер, возможно, и слишком к обеду, а для Атоса — только начать разговор. Панорамные окна ресторана открывали, как книгу, вид на «Лужники», детство («Помню, как рыдал, когда улетал в небо олимпийский Мишка»), отрочество (Вася, в ту пору спартаковский болельщик, видел гол Шмарова, стоя за воротами) и еще дальше, к Пироговке, к пединституту, в студенческую юность. Вася снова хотел взяться за книгу — пора-пора-порадовать себя и читателей. Ему нужна была техническая помощь.

В том феврале он даже наговорил в диктофон большой кусок воспоминаний, но запись эта потом как-то исчезла, не сохранилась.

Ну что такое рыцарь без удачи? Действительно, ну что это такое?

Вася не написал свою книгу, не сыграл набоковского Лужина в кино, как мечтал, не успел смонтировать свой последний фильм, возвращаясь в тот девяносто четвертый год, когда он, большой и никому еще не известный молодой человек, уютно разместился в кадре и впервые произнес: «Здравствуйте, я Василий Уткин. Вы в “Футбольном клубе”».

Ну и что там еще обычно говорят, подводя мужские итоги, — дом, сын, дерево, будто разделяя прожитую жизнь на «да» и «нет», и где «нет», утяжеленное нашим общим чувством утраты, перевешивает. Что, конечно, неправда. Не так.

Это — книга Васи, полная жизни, большой, разной, счастливой, грустной, веселой. Книга, написанная не вместо него, а для него*.

Станислав Гридасов

* Работая над этой книгой, мы постарались максимально сохранить авторские стиль, орфографию и пунктуацию Василия Уткина.

Времени нет

Юрий Сапрыкин

Музыкальный критик,
культуролог, руководитель
спецпроектов медиа
«Кинопоиска», основатель
проекта «Полка», бывший
главный редактор журнала
«Афиша»

Пятьдесят с лишним — по нынешним временам это молодость, в этом возрасте пишут дебютные романы. Если верить махатмам, уже нынешнее поколение советских людей будет жить до ста пятидесяти, и тогда в наши пятьдесят, наверное, мы будем едва задумываться о выборе профессии. Но даже при сегодняшней жизненной продолжительности уход человека в этом возрасте, в самом расцвете, окруженного любовью и почитанием, продолжающего открывать для себя новые горизонты и перспективы, — это ни в какие ворота. Жить бы и жить.

Василий Уткин выглядел человеком, которому все давалось легко. Телевидение, конференс, театр, тексты, преподавание, кино, домино — чем бы он ни занимался, в этом была какая-то гусарская лихость. К такой ролевой модели неизменно прилагаются кутежи, скандалы, удары из-за угла — но и это происходило, по всей видимости, легко, без достоевского надрыва (именно по видимости, что там в душе, мы никогда не знаем). Что легко дается, легко и отнимается: можно посмотреть в «Википедии», сколько раз Уткин терял свои медийные ангажементы, вы быстро сообразите со счета — вот уж действительно, из увольнявших его можно составить город. Увольнение из жизни оказалось таким же внезапным, как и остальные.

Тут лезут в голову обычные в этой ситуации мысли: сколько бы он еще мог сделать, как много осталось ненаписанного, несказанного, неснятого, непошученного — того, чему уже не сбыться никогда.

С другой стороны, а чего он, собственно, не сделал? Человек, обновивший и заново придумавший свою профессию, живой патриарх, ориентир для многих и многих — ну провел бы он еще один эфир или церемонию, что бы это добавило? Он занимался чем-то подобным всю профессиональную жизнь, но из сегодняшнего дня кажется, что это было ему не совсем по чину. Помимо легкости, в нем чувствовалась сила, которая находила то одно, то другое приложение — но в полной мере выхода не нашла. И тем более не вписывалась в форматы, сетки, штатные расписания, корпоративные правила и всевозможные «вы же понимаете», которые становились чем дальше, тем жестче. Куда податься, если угораздило родиться в России с умом и талантом?

Нет, конечно, это идиотская постановка вопроса — он бы придумал, что сделать, как придумывал всегда. В конце концов, вел бы свой ютьюб, где еще можно найти покой и волю — до той поры, пока он в принципе существует. Передавал бы нам свою силу и легкость — каламбуром, легкой ухмылкой, удачно сформулированной мыслью — а силы и легкости всегда не хватает. Написал бы дебютный роман, и я уверен, что это была бы хорошая книга. Да господи, просто бы жил. Жить и жить бы на свете — но, наверное, нельзя.

«На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой» — так начинается «Смерть Вазир-Мухтара», великая книга о человеке, чье время ушло, и жить ему больше некуда. А что, собственно, значит — «его время ушло», когда время, казалось бы, идет для всех равномерно? И тем не менее: меняются социальные роли, психологический склад и наклонности, востребованные эпохой, — можно винить в этом судьбу, или начальство, или тот или иной исторический катаклизм, но смена предлагаемых временем амплуа происходит иногда и без них, на ровном месте. И дело не в возрасте, не в том, что человек «пережил свое время»: пятьдесят — это еще молодость! А Грибоедову, о котором пишет Тынянов, в декабре 1825-го и вовсе было тридцать. Просто вчера еще ветер дул в твои паруса, а сегодня наполняет другие. И вокруг совсем непонятные люди, чужие тебе, и для них ты чужой. «Люди удивительной немоты появились сразу, тут же на площади». И что с этим

делать — как писали в журнале, где я когда-то работал, — решительно непонятно.

Для людей, пришедших в российские медиа в 1990-е, время уходило не один раз. Сложно даже определить, когда оно НЕ уходило, — куда бы мы ни отнесли золотой век, там было уже что-то не то. Заканчивались деньги, ссорились коллеги, незаметно приходило государство, и его вводные тоже постоянно корректировались. Менялись публика, актуальный язык, отношения с контрагентами, ньюсмейкерами, рекламодателями. Обновлялись платформы, форматы, скорости и, чего уж там, невидимые границы допустимого. Харизматики, которых принесло в этот мир из других специальностей и профессий (Уткин, напомним, учился в пед), которые придумали для него новый, правдивый и свободный язык, которые принесли с собой драйв, высокий класс и, несмотря ни на что, этический заряд — сколько бы ни ошибался и ни становился героем скандалов тот же В. У., у него, безусловно, была своя правда, и он был готов за нее постоять, — незаметно оказались в мире, где все эти качества, скажем так, востребованы не в первую очередь. Нужно было менять или профессию, или себя — и даже когда это удавалось, душевного покоя это не гарантировало. Я думаю о других людях из этого поколения, об Алексее Зимине*, о Максиме Ковальском**, о многих и многих, которые по разным причинам оставили дело, где был их главный талант. И вдруг начали уходить, почти одновременно и тоже по-разному. Иначе чем совпадением это не объяснить, но какой-то общий рисунок судьбы тут есть. Вроде все есть — силы, идеи, новые проекты и платформы, но ты понимаешь почему-то, что приложить эти силы не к чему. Почему-то ты это знаешь.

* Алексей Зимин — друг Василия Уткина, журналист и ресторатор, бывший главный редактор журналов GQ, «Афиша-Мир» и «Афиша-Еда», ведущий кулинарной передачи «Готовим с Алексеем Зиминим» на НТВ (закрыта в 2022 г.). В последние годы жил в Лондоне, был шеф-поваром и совладельцем ресторана ZIMA. Скоропостижно скончался через восемь месяцев после Уткина, 12 ноября 2024 г., на 53-м году жизни.

** Максим Ковальский — журналист, медиаменеджер, бывший главный редактор журнала «Коммерсантъ-Власть», скончался в 2019-м, на 55-м году жизни.

Жаловаться, конечно, не на что — все у этого поколения было, и многое впервые. Была, впервые за много лет, возможность быть собой, прямо в эфире и на печатной полосе, ощущение правильно и честно сделанного дела. Ничего важнее на самом деле не бывает. И это не говоря о квартирах, поездках и прочих благах, о которых поколение родителей не могло и мечтать. Жизнь давала много возможностей, и ими с азартом пользовались. И понятно, что невозможно все время оставаться на вершине горы, а уж медиа — совсем жестокая штука: сегодня ты законодатель мод, а завтра в лучшем случае герой мема, и то если ляпнул в эфире что-нибудь не то. Но ведь были преподавание, театр, кино, домино, много интереснейших дел, которые создавали множество, как принято говорить сейчас, смыслов, но почему-то не осталось того одного, который вытянул бы из любого болота. Смысла в единственном числе.

В последний раз я видел Василия летом 2023-го, на веранде не закрывшегося еще «Дома 12». Он сидел за столиком совершенно один, с бутылочкой белого, а мы расположились рядом с моей знакомой, у нее только что умерла мама. А Вася — так было видно, что он был бы рад присоединиться к компании, он улыбался нам, махал рукой, поднимал за нас бокал. Но нам надо было поговорить о своем. Всю жизнь, наверное, буду думать теперь — что ж ты не подошел к нему, скотина, не позвал за свой стол, не завел разговор про его горе? Какого тебе еще надо единственного смысла — кроме как подойти к человеку, когда он совсем один?

«Вась, твоя мечта скоро исполнится, но совсем не так, как ты думаешь»

**Открытое письмо
Василия Уткина себе
21-летнему**

Ну, привет.

Как бы тебе объяснить, кто я? Ты же даже еще «Назад в будущее» не смотрел. Скоро посмотришь, я даже знаю когда, но сейчас говорить не стану. Это неважно, это ничего не изменит, если ты сегодня вечером, когда будешь ловить такси до дома на Щелчке, купишь видеокассету с этим кино и посмотришь на ночь, все равно будет норм.

Деньги-то есть на кассету. Ну, раз на такси есть.

Я еще и потому знаю, что у тебя все в порядке с развлечениями, что ты на днях подхалтурил двести баксов. Ты озвучил предвыборный ролик «Гражданского союза»*. Нет, в этом нет ничего плохого. Ты просто голос, приятный баритон.

Выборы-то когда? Через неделю, да? А знаешь, кто победит? А я знаю. Жириновский. Ну да, вот этот болван. Офигеешь тут. Не веришь? Ну, они же через неделю, проверишь.

А «Золотой мяч» в этом году выиграет Баджо.

Я не только про тебя все знаю, да. Но пишу я тебе не поэтому. Скоро твоя жизнь изменится, я совершенно не собираюсь тебя

* «Гражданский союз» — избирательный блок на выборах в Государственную думу, прошедших 12 декабря 1993 г. В политсовет «Гражданского союза» изначально входил Александр Васильевич Руцкой, вице-президент России, лидер «октябрьского путча», к началу выборов уже арестованный. А избирательный список «Гражданского союза» на выборах возглавил президент Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Иванович Вольский.

предупреждать и наставлять, так только можно все испортить. Кроме того, я в тебе уверен.

Сейчас ты журналист лучшей в России программы. Ты журналист «Взгляда». «Взгляд» практически закрыт, потому что твои боссы Любимов и Политковский выступили как идиоты в ночь, когда штурмовали телецентр. И ты знаешь, что они были идиотами, когда пригласили всех сидеть дома, потому что — потому что я уже не помню, что они тогда сказали, но ты точно знаешь и сам, что врал, потому что у тебя было совершенно другое чувство.

Вы сидели на дне рождения Митьки и смотрели футбол. Все прервалось. Вы поняли, что что-то происходит. Ты пошел домой. Вы смотрели РТР, прямой эфир, тебе позвонила Тереза, редактор, и сказала, что утром надо быть на Ильинке, на работе. А ты хотел вообще сразу ехать.

Как можно было сидеть дома? Каким образом? В Москве восстание. Или попытка переворота. Поверь, это одно и то же. Гибнут люди, горит телецентр, там стреляют, утром отец отвезет тебя из Балашихи в Москву, и вы будете обгонять колонну грузовиков, которые везут в Москву дивизию Дзержинского. Солдаты смотрят прямо на тебя, потому что они сидят в кузове, их везут вперед, а они смотрят назад, ваши взгляды пересекаются, вы ровесники. Ты на год старше, наверное; ты уже не пошел и не пойдешь в армию.

Помнишь это чувство: армия — они, и именно они беззащитны, а помочь им можешь только ты?

Ты ж журналист. Ты едешь рассказывать правду. У тебя впереди один из важнейших дней твоей жизни. Это день после бунта в Москве. Ты уже слышишь грохот. Это стреляют танки по Белому дому. В этот день ты увидишь очень многих людей, которые еще вчера думали, что они вершат судьбы людей.

Мало того — завтра-послезавтра они тоже будут так думать. Но сегодня ты увидишь их маленькими и растерянными.

Ты помнишь этот день, ведь я же помню до сих пор. Интервью с Кирсаном Илюмжиновым. Молодым президентом Калмыкии, богачом, кандидатом в премьеры, он целую неделю был на обоих каналах во всех программах как посредник примирения, сколько слов было сказано — а в тот день, когда закончилось интервью и твой оператор, австралиец, сворачивал свет и штатив, этот владетельный

Кирсан посмотрел на тебя, мальчишку, пустым взглядом и спросил: «А вы как думаете, что теперь с нами будет?»

Вася!

Твоя жизнь скоро изменится.

Твоя мечта исполнится. Ты будешь журналистом. Она исполнится совершенно не так, как ты думаешь сейчас. Но ты и сам знаешь, какая ерунда порой занимает изрядную часть жизни. Вот, например, вспомни, как в отрочестве ты часами мог играть шахматными фигурками в футбол на ковре деревянной бусиной.

Ты еще и комментировал все это.

Вот такой херней ты заполнил кучу времени, а мог бы книжки читать и спортом заниматься.

Сравни это с тем, кто ты сейчас, что теперь составляет твои интересы и в чем видится карьера (плохое слово, я его тоже не люблю, но так это называется).

Но ты ж не жалеешь о том ковре и тех шахматных фигурах? Которые твой знакомый Кирсан использовал по прямому назначению, кстати, а теперь он президент и не знает, что будет дальше?

А помнишь день летом, тебе было 12 лет, у твоей сестры Ани был выпускной, и ты должен был остаться дома совершенно один, потому что родители же, как положено, пойдут на выпускной смотреть за порядком; день никак не заканчивался, в футбол во дворе было поиграть не с кем, и ты, как всегда, что-то приговаривая, воображая себя комментатором, колотил мячом в глухую стену, и все внутри ныло и горело, потому что поздно вечером был полуфинал чемпионата Европы?

И до полуфинала ничего не показывали. А за два года до того ты уже посмотрел весь чемпионат мира. И было тоскливо.

И как же был крут этот полуфинал!

Эффект необманутого ожидания! Ожидания, которое в подметки не годилось реальности...

В общем, сейчас ведь твоя жизнь никак с этим не связана. А разве это делает эти воспоминания менее дорогими и милыми.

Не готовься к будущему, старик. Я не могу тебе рассказать, что будет; вернее, могу, но не буду. Могу на примере объяснить.

Ты работаешь во «Взгляде». Это самое главное, что есть на ТВ. Лидеры «Взгляда» — боги (все еще).

Это скоро кончится. Посмотри вот на них. Как ты думаешь, кто из них добьется большего?

Любимов, которого при желании можно даже президентом себе представить лет через пятнадцать? Мрачный Политковский, бывший бог расследований? Ну, про этого ты и сам знаешь, что нет. Мало того: его в профессиональном смысле уделает жена Аня, ты ее знаешь с лучшей и просто забавной стороны. Но это сейчас.

Листьев?..

Увы, нет.

Тот, который тебе щас больше всех нравится. Который сейчас спокойно занимается своим делом, в своей нише, делает самую красивую и всегда неожиданную программу. Ты ее ждешь всегда. «Матадор»*.

А ты думаешь, что он ушел в свой мир и вглядывается в бесконечно локальные вещи. А локальных вещей просто нет.

Несколько советов я тебе все-таки дам.

Не бросай английский. Это будет непоправимо, если забросишь. Сейчас он у тебя хороший; поверь, это не навсегда.

Не бросай спорт. Вася, борись, #####, с весом, в голове ты уже сейчас толстяк. Сперва будет весело, потом будет главной проблемой на всю жизнь. К славе у тебя и так нормальное отношение, тебе повезло — ты не любишь смотреть на себя со стороны и не хочешь работать в кадре. Неизбежно будешь. Борись до самого последнего, потому что как начнешь — пути назад не будет.

Что еще?

Могу сказать — поосторожней с бухлом. Но ты меня не послушаешь.

Но это опасная вещь. От него в целом пользы гораздо больше, чем вреда. Особенно журналисту. Но рано или поздно оно тебя подведет. Тогда бросай. Чем резче, тем лучше.

Потому что это саморазрушение. Творчество — тоже саморазрушение, но этот процесс нужно как-то контролировать.

* Авторская, «художественно-публицистическая» программа Константина Эрнста, будущего генерального директора Первого канала. Выходила с 1990 по 1995 г.

«ВАСЬ, ТВОЯ МЕЧТА СКОРО ИСПОЛНИТСЯ...»

Всегда доверяй тем, с кем работаешь. Это лучшая защита от предательств. В таком амбициозном деле, как твое, оно неизбежно; важно не выносить из предательств опыт. Чему они тебя научат? Не иметь дела с талантливыми людьми, которые, возможно, когда-нибудь захотят тебя подставить? Это лучший и самый верный путь к посредственности, Вася.

Оборотная сторона доверия: ты всегда будешь слышать кучу советов. Слушай все. Внимательно.

Выслушав, делай всегда по-своему. Ну, то есть решай сам.

Я очень тебя люблю, я гораздо тебя старше, я все про тебя знаю — и я не дам тебе совета. Я не уверен, что ты будешь мной гордиться. Но я в тебя верю и очень тебе признателен за все, ну почти за все.

Если вдруг все пойдет не так... А так может быть, потому что будущее зависит от тебя.

Но.

Если окажется, что я кругом неправ, во всем ошибся и твоя жизнь скучна и бессмысленна почти в пятьдесят лет, продай все, займи что сможешь, и... 8 мая 2019 года в полуфинале Лиги чемпионов сделай следующие ставки:

- первый тайм — победа «Аякса», матч — победа «Тоттенхэма»;
- хет-трик Лукаса Моуры;
- в перерыве матча еще раз поставь на чистую победу «Тоттенхэма».

Больше не играй никогда, живи долго и счастливо.

Sports.ru, 5 декабря 2019 г.

1984

12 лет

Детство Васи

«Я комментировать буду»

Анна Волкова

Старшая сестра

Василия Уткина*

В детстве Вася был большой фантазер. Первые Васиные комментарии относились к детской настольной игре в хоккей. У многих мальчишек была в то время такая игра, но в нашей семье она не прижилась, потому что фигурки двигались только в прямом и обратном направлении, и это не давало простора комментаторской фантазии. Тогда на помощь пришли папины шахматы: образовалось две команды — «черные» и «белые», — стадионом стал Васин детский диванчик, а мячом — шестигранный кубик от какой-то настольной игры. И он, стоя на коленях перед этим диванчиком, вел свои репортажи, которые стали исключительно «футбольными»: тут уже можно было максимально импровизировать и опасные ситуации, и гул трибун, и интервью в перерыве. При этом он полностью соблюдал олимпийскую схему розыгрыша — с одной восьмой до финала и хронометраж матча: строго два тайма по 45 минут и перерыв. Как у Николая Озерова по телевизору — они с папой все важные игры смотрели, и Вася на комментарии всегда обращал внимание, ему это нравилось.

Мне эта игра казалась изнурительной, потому что это было вслух, громко и долго, а жили мы в одной комнате. Остановить Васю было нереально: можно было делать все, что угодно, но он все равно

* Интервью с Анной было записано специально для этой книги.

проводил матч. Так что мы серьезно скандалили по этому поводу, но родители, кстати, никогда не вмешивались. Но он уже тогда стал проявлять свои недюжинные организаторские способности, заранее информируя меня о дне недели и времени проведения своего матча, произнося неизменную фразу: «Я комментировать буду». И сейчас, вспоминая Васино детское увлечение, удивительно, насколько пророческими оказались его собственные слова.

Когда Вася стал постарше, он начал обо всем футбольном писать в тетрадях: на каждую команду была своя — со списками игроков, нарисованными флагами и т. п. Все это очень аккуратно, разноцветными ручками, заполнялось и очень ревностно охранялось. И Вася, конечно, прекрасно ориентировался в этих записях. Где он брал эту информацию, не знаю. Наверное, из газеты «Советский спорт» или каких-то журналов, но собирал он ее очень скрупулезно.

На стадион они с папой тоже ходили, но нечасто — тогда ведь и билеты было сложно купить. Но помню, что на футбольные матчи Олимпиады-1980 ездили — Васе было восемь. На теннис еще ходили иногда — папа в него хорошо играл, много рассказывал. Биатлон, помню, смотрели.

При этом Вася целенаправленно спортом никогда не занимался. Просто играл в футбол с ребятами во дворе, какое-то время ходил в детско-юношескую школу неподалеку от дома — знаю, что он там на воротах стоял.

Хоккей его тоже интересовал. Как-то наш родственник подарил ему полный комплект хоккейной амуниции: наколенники, нарукавники, маску, шлем. Вася в этой экипировке играл зимой на улице, а в другое время ходил дома. Маленький еще был совсем, и заставлял домашних бросать ему шайбу, а он стоял в дверном проеме и ловил ее.

Вася еще до школы научился читать — и читал не только детскую литературу, но и вполне серьезную. Лет в пять он запоем прочел книгу про Древнюю Грецию — не легенды и мифы Куна, а документальную. Автора не помню, но помню, как она выглядела, помню, что мне нужно было ее прочесть, и как я испытывала угрызения совести, что не сделала этого.

Двухлетний Вася с сестрой Аней. 1974 г.

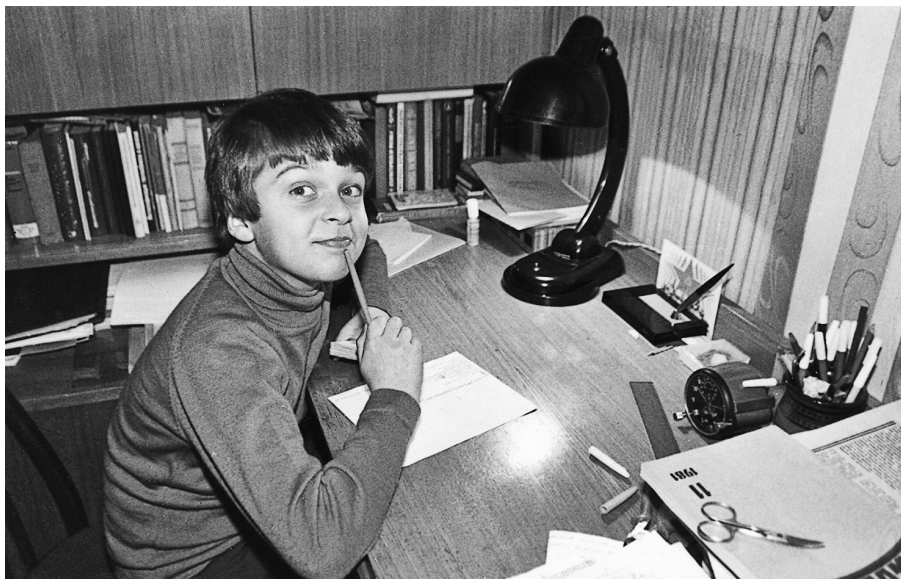
У Васи было более емкое восприятие, чем у меня. Например, у бабушки в квартире балкон выходил на шоссе — он любил стоять там и смотреть на машины. И очень скоро Вася выучил все марки, знал все номера автобусов, по фарам издали отличал одну модель «жигулей» от другой. Или: у нас была книжка французских сказок — мы оба ее читали. А потом я с удивлением заметила, что он знает многие города во Франции, которых не знаю я. Уже когда я стала взрослой, раскрыла как-то эту книгу и увидела, что там на форзаце схематическая карта с названиями областей и городов. Васе такие детали бросались в глаза, он их фиксировал. Думаю, он любую книгу так читал. Одна из любимейших была «Три мушкетера». Вася глотал книги с невероятной скоростью, поэтому отследить, что читано, а что нет, было сложно. В домах, где мы регулярно бывали, имелись хорошие библиотеки: у папиных родителей, у маминых. А дед по линии мамы, Игорь Юрьевич Губанов, преподавал русский язык и литературу, был директором балашихинской школы. Его статьи печатались в «Учительской газете» и в «Литературной газете», он написал диссертацию о Луначарском. Конечно, у него было множество книг.

Еще мы часто собирались у родителей одного папиного друга. У них была колоссальная библиотека: маленькая комната вся в шкафах от пола до потолка. И Вася, пообщавшись с другими детьми, незаметно перемещался в ту маленькую комнату и «зависал» над какой-нибудь книгой.

У одного из коллег отца была большая библиотека, так что папа приносил нам книги с работы. Так мы с Васей прочитали «Семь подземных королей», «Урфин Джюс и деревянные солдаты», «Таинственный остров», что-то еще Жюль Верна — те книги, которых у нас на тот момент дома не было, а в детской библиотеке на них была всегда очередь. А потом папе удалось оформить подписку на «Библиотеку мировой литературы для детей».

Вася, и став взрослым, постоянно что-то читал. В машине всегда лежала книжка. Только последнее время, когда аудиоформат появился, чаще слушал.

Родители много работали. Мама, Наталья Игоревна, — в Балашихинском роддоме анестезиологом, минимум на полторы ставки. А это дежурства сутками, иногда в выходные и праздники. Отец, Вячеслав Николаевич, имел ученую степень — кандидат технических

За отцовским рабочим столом. 1981 г.

наук. Он работал в обычном режиме, но во время научных испытаний мог и заночевать в институте. Папа окончил МВТУ им. Баумана, а параллельно — четырехгодичные курсы иностранных языков с дипломом переводчика с французского. Он им, кстати, владел практически в совершенстве: помимо технических текстов, он маме рецепты из французских кулинарных книг переводил, пластинки с французской музыкой собирал. Ему даже предлагали работу переводчиком, кажется, в Таиланде, но он предпочел заниматься физикой и отказался. Специальность отца — физика низких температур, он почти всю жизнь работал в НИИ «Криогенмаш», уходил с должности заместителя генерального директора по науке. У него часто случались командировки — например, на Байконур. Когда после 1991 года разрешили выезжать за границу, у него в ЦЕРНе* были проекты.

Вообще отец был удивительно образованным человеком — даже странно, как в советское время, живя в Балашихе, можно было иметь такую всестороннюю эрудицию. С ним было интересно общаться и Васе, и его друзьям. Отец любил людей и любил их слушать.

Если Вася, уже взрослый, приглашал папу на какую-то встречу, он с удовольствием приходил. А Вася с удовольствием приглашал, потому что знал: и отец будет интересен, и отцу будут интересны его друзья. Вася на Уимблдон его возил, и на футбольный чемпионат Европы 2008 года — устроил ему такой праздник.

У Васи тоже были способности к языкам — если было бы нужно, выучил бы на 100%, но такой задачи не стояло. Английским он занимался, чтобы поступить в вуз, в итоге неплохо его знал и регулярно пользовался, а другие языки сами к нему липли. Он рассказывал, что, когда приезжал в какую-то страну, стоило ему немножко почитать газеты и пожить пару дней, послушать людей, он начинал хотя бы немного говорить и совершенно не терялся.

* Европейский центр ядерных исследований (Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire, CERN) — межгосударственная научная организация, основанная в 1954 г., крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий. Расположена на границе Швейцарии и Франции.

Родители никогда не давили на нас в плане выбора профессии, не требовали учиться на отлично. Ругали за тройки, да, а все остальные отметки — пожалуйста. Но сразу стало ясно, что Вася гуманитарий, а мне понятнее была математика.

Вася всегда любил делать то, что ему нравится. Его не интересовали математика и физика, он ими мало занимался — делал по минимуму домашнее задание, чтобы поскорее переключиться на что-то для себя важное. Не помню, чтобы задавал вопросы, просил объяснить или помочь решить что-то. Ему это было не нужно. В старших классах он вдруг понял, что должен получить хорошие оценки, чтобы поступить в институт, и сам по этим предметам подтянулся.

Про желание стать учителем Вася никогда не говорил, в семье это не обсуждалось. У него был очень широкий круг интересов, он был очень любознательным и общительным, и я была уверена — учителем он не будет: просто получит гуманитарное образование и найдет свое место.

Наверное, если бы Советский Союз продолжил существовать, Васю после педагогического куда-то распределили бы года на три, но получилось иначе. Он во «Взгляд» попал еще студентом, лет в 19–20, с удовольствием и много там работал и даже институт из-за этого не окончил, но потом программу закрыли — и он оказался в спортивной журналистике.

Когда начал выходить «Футбольный клуб», мы все смотрели каждый выпуск этой программы. Хвалить и восторгаться у нас в семье было не принято, но что-то приятное мы ему всегда обязательно говорили.

У нас в детстве дома жили всякие животные. Больше всех кошки. Одна — мелкая, не больше 2,5 кг весом, трехцветная — особенно любила Васю и все время его защищала. Если кто-то говорил с ним назидательным тоном, она бросалась в ноги — серьезно кусалась, царапалась. Поэтому если мы хотели что-то серьезно обсудить с Васей, сначала изолировали кошку.

Он, кстати, тоже любил свою защитницу. Как-то решил связать ей тапочки и одеяло с надписью «ноги» (надпись была сделана для того, чтобы на морду всегда приходился один конец одеяла, а на задние лапы — другой, и это нельзя было бы перепутать). Вязать он